

Этот отрывок — часть киносценария, который повествует о двух кабахистах-ювелирах, переживших или скорее переживающих бурные события второй половины XVI — начала XVII веков. Судьба сводит их с Дэстрием Самозваницем, Шекспиром и турецким султаном Селимом. Герои сценария ищут и находят камни необычайной чудодейственной силы, оказывающие воздействие на душу, характер и жизненный путь незаурядного человека. В эпизоде с Шекспиром их участие далеко не столь активно, и они лишь подводят итог некоторым размышлениям мастера Вилла.

Автор сценария по профессии переводчик, пробоющий силы в литературе и историографии.

Николай ГОРДЕЕВ

Огненный

Фрагмент

кормилом, наложил цепи на собственное каперство. Недаром Генрих IV назвал нашего короля "мудрейшим дураком в христианстве". Уж больно учен. Сам книги пишет и Священное Писание велит переводить. Но есть еще черный флаг с черепом и костями и зеленое знамя с полумесяцем для играющего в мире Левиафана. Но что с вами, о капитан заимодавцев и адмирал ростовщиков? Садитесь в долговую яму или уже сели на мель? Подул ветер банкротства?

- Вроде того, Рептайл.
- Левиатано! Я же предупредил! Змеи и крокодилы.

Черный Плащ уходит в себя. Взгляды Рептайла и Б.Хаммента на мгновение переключаются и тяжело расходятся.

Рептайл смотрит на собеседника, напоминает:

- Отчаяние — судий яд для коммерции, мастер Кайт. Что если я сколочу каперскую флотилию из алжирцев и голландцев? Входите в долину. Право же, морской грабеж — чистое дело для тех, кто не тонет.
- И не горит. Нет уж, ваши морские шаши не по мне. Довольно с меня сухопутных штормов. Топить, тонуть, давать течь можно и здесь. Зло едино во всех стихиях.
- Неужто чураетесь преисподней? Разве не учил Кристофер Марлоу: "Где мы, там и ад, а где ад, там должны быть и мы"?
- Лишь бы не выбирать его самим.
- А чего выбирать? Я бы послал в Индию за золотом, мои капитаны обыскали бы весь океан ради жемчуга. Нету ни в чем греха, лишь одно невежество. Впрочем, это опять старина Марлоу. Мне вот нужно золото, чтобы жить и умереть в творениях Трикместиста. Я из тех, кто называет добро злом и зло добром. Иначе толку не будет.

Кайт опять уходит в размышления. В таверну заглядывают ищейки Звездной палаты, охотящиеся за Рептайлом. Ничего не видят в дыму, чихают и уходят. Дым еще плотнее собирается вокруг Рептайла и Кайта. Оттенки дыма сказочно меняются.

Рептайл (про себя):

- "И тыма отделила сынов Израилевых от сынов Египетских". Да, о том, что я собирался заглянуть в эту таверну, знает только хозяйка моего алхимического подвала, томная и сердобольная леди Уайпер.
- Кайт снова обращает внимание на Рептайла:
- Вы же алхимик, а не дьявол, хоть и Левиафан. — Теряет рукой правую ухо, словно хочет достать из-за него перо.
- Почему знать? Когда я был в раю, то висел и на том и на этом дереве.
- На каких же это деревьях?
- Будто не знаете? Зла и знания. Древо знания для вас — древо зла.
- А что было на деревьях? — Кайт в запальчивости расчесывает затылок.
- Точно не припомню, но на обоих были колочки. — Левиафан закатывает правый рукав и показывает руку — всю в глубоких бороздах от толстых колочек. Вздыхает и продолжает:
- Но это все нравственная суета. Коли не хотите вступить в Компанию благих намерений, разумеется, у кого из обладателей зла ржавые запоры, и дайте знать мне. Я всех подобно и ополчу. Сказал же Френсис Бэкон: "В людской природе больше от дурака, чем от умного". Уважайте природу и оставайтесь в волчьей тени. Спохватывается:
- Вам же надо дать знак Левиафана. Заодно и дать урок практической герметики. — Достает откуда-то из себя половинку восьмугольного сосуда, соединяет с ней другую, извлекает из другого тайника в камзоле змеивидную трубку. Из одного конца трубки насыпает в сосуд коричневый порошок, из другого подливает бурой жидкости. Шепчет по-испански: "Эс-

пириту мал, эспириту буен". Дальше непонятно. Из-за стоячего кружевного воротника выскакивает что-то ослепительно черное, обвивается вокруг сосуда и исчезает в нем. Рептайл подливает еще черной жидкости из отверстия в середине того же змеивика — всхлиывает завывающая в спираль пламя. Рептайл прикрывает сосуд крышкой из черного обсидиана.

Кайт (поднимается над столом и показывает верхнюю часть брюшка):

- Это вы мне не показывали, Левиатано!
- И Кайт, и волк смотрят на фокус чуть ли не одобрительно.
- Рептайл, пер фавор! Среди лондонских алхимиков меня знают как Рептайла! — Испуганно оглядывается и зажимает рот рукой. — Змеи и драконы! Это не по зубам великому Келли. (Стучит по крышке перстнем с платиновым изображением крылатого крокодила на рубине и превращает сосуд над столом. Выпадает раскаленная пластинка желтого цвета. На пластинке змея кусает себя за хвост. Надпись на латыни: "Но-ли ме тангерэ" ("Не тронь меня").
- Это вам. Пришлите мне как знак вашей злой решимости. Оставайтесь в тени и здешнем тумане, не сутолоки и свалки. Доверьтесь Левиафану. Пришлите знак в "Портовый Ангел", когда запахнет дичью. — Уходит.
- Кайт (надвигает на лоб капюшон):
- После него пахнет тухлыми яйцами и мускусом. Обходительный дьявол, странствующий алхимик и советник сбившихся с пути мореплавателей. Весь мир — кабинет алхимии, где души томятся в ретортах и жаждут философского камня. Но где же в этом Левиафан тайное знание? В его рутно сверкающих глазах? От белены или дурмана? Он шипит, но в шипении слышится плавающее золото. Хорошо еще, что у меня перстень с лунным камнем опалом. Правда, о нем болтают, будто наводит сон и демонов.
- Подсаживается Эриил и кладет лист со стихами. Кайт делает раздвоенную гримасу.
- Летучий и прозорлив! Здоров ли? Удачлив ли как всегда? (Про себя) Где Змей Гриметик, там и зтот Женомуж-Андрогин. И вправду неотразим, как Солнце, переплетенное Полумесяцем, Венера с Адонисом, Адам с Евой.
- Эриил (волнуется и по-девичьи краснеет):
- Желая вам доброго вечера, мастер Вилл. Осмелился превратить ваше отдохновение. (Говорит тихо, словно сквозь ресницы). — Что скажете об этих "опера медиокрис" — "посредственных строчках"?
- Мастер Вилл фыркает, как будто рычит:
- Оставь. "Неквем тендент септер арцем Аполло" — "Не всегда натягивает лук Аполлон". Ты-то имеешь дело не с боевым луком, а с эоловой арфой. Начинает погружаться в стихи. Слышен певучий голос Эриила:
- Роняет дуб оторванные листья.
- В настульную сумку убрана зачервь.

камень

сценария

ла veste o... А там и сам не знаю, откуда взялся нож за поясом, и тотчас топор навис над головой. Видел бы теперь Лондон задристого Гамлета и боевого Макбета, а сцену бы я заваливал трупами с первого акта. Не пришлось бы вам подстраиваться под мертвое тело на шею у трупы. Тут еще слухи ходят, что Кристофер Марлоу жив и подсылает актера со своими трагедиями пряхеюнону в Глобус.

- Разве я писанный Марлоу?
- Вам лучше знать своих родителей и свое ремесло?
- Да не сводила ли тебя судьба с неким Рептайлом? Долговязый такой, похож на аллигатора.
- Знаю Рептайла. А что за невидаль аллигатор?
- После об аллигаторе, что знает Рептайл?
- ЭТОТ ЧУШАТЫЙ? Астроложный алхимичник? Может, куда больше любого дьявола, но побольше любого благочестивого христианина. Как бы тут рассудить? Ну, стало быть, полудьявол? Ну, положим, полудьяволы — Фауст, Келли и Ди. А этот — дьявол на осмущу. Завывает духов, пресмыкается перед ними. Выпаривает зло из добра. А то распасует, раздает карты, велит всем закрыть глаза. Открывает глаза, ждет картонную штуку, а видите его редкозую пасть и больше ничего.
- Не свихнулся ли он на дьяволизме?
- Да сразу, как родился. Потомственный вывих. Он — Самодей. Самодельный дьявол. Не Амсдей же. Кто-то из его ближайших родственников бился над красной тинктурой у Фауста, мыл тигли и реторты. Говорят, бедняга умер бы с голоду, кабы не продавал средство от крыс. Вот и весь демонизм.
- Скажи, Рептайл, в силах подбить кучу людей, подсыпать пороха, подлустить огня?
- Кто сейчас не может? После Порохового заговора? Правда, этот алхимик так и искрится захватительными идеями да горяченькими затеями. Пиратская братия за то его и держала.
- А в чем дворец гнилые запоры?
- У лорда Перфакса. Прямо вчера с Подлунных островов. С прошлой недели самый золотой наследник в Лондоне.
- Ты знаешь Рептайла?
- А... этот юркий, ползучий?
- Он самый. Поидешь в портовый "Ангел" и отдашь ему эту пластинку. Да смотри, чтобы он не распознался.
- Как Гамлет?
- Много берешь на себя.

Шекспир спит. Появляется Рептайл. Он шатается и держится за бок. Рептайл:

- Спите? Это входит в наш уговор. Но скажите, какова ваша доля в этом предприятии?
- Мастер Вилл протирает глаза. Чешет затылок.
- Это вы, Рептайл? Шестьсот фунтов.
- Сто раз по шесть? Бьюсь об заклад — залог или ипотека, все равно долг. Котикотые кредиторы. Пуритане? Угадал? Ну, будь по-вашему. Шесть фунтов, не унци. Не мяса, а золота.
- Шестьсот фунтов!
- Конечно, вы же не Шейлок!
- Голова, наконец, освобождается от капюшона, встряхивается:
- Что у вас с плечом, Рептайл? Кровь на перевязи? Откуда вы?
- С пожараща. Видите жало Вулкана посреди Сити?

— Дворец Перфакса? Его построил три года назад сам Гвидаричин! По плеску дворец не уступал Сомерсет-хаусу. Но что это вас так?

- У меня приключился поединок с вашим Адонисом. Эриил владеет шпагой, как беловишка иголкой. Уж больно женственный укол.
- И вы его...
- Я не убиваю. Тем более херувимов, хотя с детства не расстаюсь с моим хладнокровным оружием. Во дворец полно моих собороджников, и они, как видно, нырнут подземными ходами к Темзе. Зато сейчас вся доблесть Англии в огне. В груди каждого единая мысль о чести. Они летят с крыльями на ногах, что британские Меркурии. Летят на костер отаги и золота. Еще раз в брешь, дорогие друзья. Пройдитесь через нее или завалите своими трупами. Перекните через нее мост в холодное небо с новой Луной. — Путається и бредет от раны.
- Кровь из вас долее не течет. Зато хлещет Шекспирова "Хроника Генриха V", вперемешку с анонимами и псевдонимами.
- Подражаю амальгаме сэра Вильяма. Но мне надо назад, к пролому, а то они устроят Проломевскую ночь на рассвете.
- Мастер Вилл (снова садится на любимого конька):
- Пойдите! Зло! Что вы думаете о зле? Переменяли мнение?
- Нельзя чинить зло и вред Эриилу-Андрогину! Андрогин — гармония Вселенной. А вы пнули мироздание в незащищенное место, как он только что меня. — Уходит, заваливаясь, как больной ящер, вставший на задние ноги.

Центральная часть Лондона — Сити. По улицам, не таясь, идут вооруженные чем попало люди. Впереди моряки, опьяненные жаждой, и пока (на ходу) довольствующиеся ромом. Среди них Рептайл с товарищами по абдордажам и закутанным до самых глаз Стоксом. Толпа ополченцев высыпает на площадь перед огромным дворцом в стиле итальянского Ренессанса. Спешные подзуживающие либо искренне негодующие крики:

- Здесь засели враги короля! Мало им Порохового заговора! Уж мы им покажем, изменникам!
- Масса хорошо и кое-как вооруженных бесцельно колыхается. Долговязая фигура Рептайла тем временем целеустремленно мелькает между ополченцев. Дворец окружат железные злато- и кровожадным кольцом. Дьявол мореходы, овечьи парами рома, шатаясь, кидаются на штурм. Раздается меткий залп, другой, третий. Немало осаждающих падает и остается лежать, часть толпы разбегается, но моряки уверенно лезут на ворота, как на мачты, падают с ворот по ту и другую стороны, поднимаются, не зная, куда идти. Иные полочутся в лужах крови. Наконец, во дворе появляется высокий худой и черноволосый малый из окружения Рептайла и с помощью двух моряков отодвигает мощные засовы. Толпа поднимает радостный рев, собирается с силами и валится во двор. От плотного залпа в густую толпу воздух заполняется запахом теплой крови.
- Рептайл с черноволосым малым и Стоксом вышибают боковую дверь и врываются во дворец. Их выбивают оттуда. Рептайл серьезно ранен. Его уважительно поддерживает Стокс. На капитана мятежников бросается закутанная в испанский плащ фигура со стилетом, но между ними становится Стокс, отнимает у нападающего кинжал, срывает покрывало.
- Рептайл:
- Леди Уайпер! Так — то вы занимаете арендную плату! Звездная Палата за все заплатит и усеет ваш жизненный путь звездами? — зажимает рану в боку и кричит своему черноволосому соратнику:
- Серпентино! Отступаем! Перестраиваемся! Командуй за меня! (Исчезает).
- Во дворец разгорается бешеный пожар.

Отец Гамлета (и его призрак) дремлет снова. Правая рука шарит по столу, словно нащупывает разцеpped перо. Вдруг перед столом вырастает высокий человек. Одна половина его лица смуглая и суровая, другая сияет наשמшлвй седниной. Смотрит въездливо на спящего, как сквозь лупу ювелира. Улыбается спящему, как вновь обретенному сыну:

- Мир тебе, Гильельмо Шекспир. Благословен Господь, смежающий дремотой твои веки.

В ответ драматург сонно варьирует свои поэтические темы:

- Все в мире дремота и бессонница. Я рад тебе, сон в летнюю ночь, печальный, как сказка льяварских эльфов.
- Знаю, что ты неравнодушен к кельтской саге, а не к нашей Агаде. Знаю, что ты творишь сны на бумаге и чинишь сондрейство. Но я не сон. Я люблинский а сойкер-купец и ювелиро Натан Яглом. Знал бы куда плусть твоего деда в венецианском Риальто. Но перестань думать свои думы. Ахшув эни халом. Сейчас нам с тобой не до сна и не до смеха, чулиейтас.
- Не смеяй надо мной венецианский сон или Натансон. Сонтанан. Нет, Джонатан — так понятнее для сонной Англии. Но я не Шекспир, да еще из Ройалти.
- Ну да, ты сейчас начнешь играть со мной в кошки-мышки. Ответствуй, разве ты не лев пера и чернил, Гильельмо Шекспир?
- Нет, клянусь Левиафаном, я не Шекспир и не Перфакс, я — Гильдебранд и Розенкранц.
- Яглом теряет терпение, надвигает правую темную бровь на светлую и провозглашает гневно:
- Встань поперек льва и змея и растопчи молодого аспида.
- Вытягивает старчески негнущуюся руку и молодо вытряхивает комедиографа из уютного сна:
- Твой дед жил в Риальто, венецианском квартале, где отливается пушки, за что квартал венецианцы прозвали Гатто. А я был учеником твоего деда. Должен был повести его дочь под хулу. Не задержки меня ходкий товар на Франкфуртской ярмарке, не себжала бы моя Ривка с ветреным англичанином, и был бы я отцом великого человека. Цорес! Видишь этот распиленный браслет из кавказской черны? Другую половину ты видел у матери, верно? А недолго назад мне переложили за перстень с сапфиром "Иль Мерканто ди Венеция" — твоего "Венецианско-го купца". Вейз мир! Не зная нашего закона, писать о нашей жестокости к должникам! Да нам дозволено давать нохрим, то бишь иноплеменникам, деньги в рост, но Тора и Талмуд запрещают их обижать, спрашивают с нас куда больше. Знала бы твоя мать, не пережила бы.
- Шекспир (ерзает на стуле):
- Таково мое смеюслисное ремесло. Есть во всякой комедии святая необходимость означения смехом или печалью. Разве не довольно бичевали неправедных мусульман и христиан? А душу Шейлока я разложил на дурную и благодатную, сохранив пропорцию добра и зла такой, какова она в природе.
- Где ты взял столько яда, зачем расставляешь сети для уловления суеты? Помни: "Все уходит и уходит. Уходит, исчезает, и исчезает, уходит".
- Волна дыма течет к Яглому и отделяет его от залы. Яглом качает головой:
- Аноматомруешь злодейство как окровавленный врач, а окровавленные криси бросает разгоряченной соблазном черной. Твой Гамлет дед не вершит, а разгильвывает с змеями души на распашку, казнит невинных и виновных, изживает дух святости.
- Шекспир в запальчивости расчесывает затылок:
- Я ведь изолиционно зло, как адвотный гада, срываю с него благопристойные одежды и маски. Разве все философы и служители муз не поклялись жить зло со свету?
- Яглом осуждающе качает головой:
- Вы что? Втираетесь между злом и Бесконечным? Рушите мироздание, а на расчищенной площадке приговариваете зло к позорному столбу? И без вас Господь поддерживает смиренных, пригибает к земле злодеев, охраняет всех любящих Его, всех злодеев иничтожает. А ты удали зло от сердца и изгони его из тела. Чего ради предал, безумный, ученика разбойни-

Окончание на 10-й странице.